

Пламенная пляска

Диана Чайковская

Диана Чайковская

Пламенная пляска

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69783394

SelfPub; 2023

Аннотация

Цыганский барон Зурал выкупает невольницу Чарген и собирается сделать её своей женой. Юная девушка сперва покоряется судьбе и с уважением относится к будущему мужу, но всё меняется, когда она влюбляется в его сына Мирчу. Между тем Зурал тайком от всех проводит обряд, делая Чарген "щитом" Мирчи. Так он решил защитить своего единственного наследника, которому суждено умереть в 25.

Содержание

Пролог	4
I. Первая искра	10
I	44
IV	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Диана Чайковская

Пламенная пляска

Пролог

1.

В тот день кони ржали сильнее обычного. Молодые цыганки бегали от шатра к шатру, шелестели грязные изорванные юбки, пока мужчины оставались в стороне. Лишь великий барон Зурал сидел возле потёртого шатра и нервно раскуривал позолоченную трубку. Его табор направлялся на восток с частыми остановками. Вот и теперь пришлось встать посреди чистого поля. Жена барона, Кхаца, была беременна. Все ждали, пока она разродится. Цыгане разбили шатры и бродили по округе третью неделю, пока, наконец, не начались схватки. Сам Зурал не видел жену с тех пор, как та вошла в шатёр и оставалась там. Не положено было мужчинам смотреть на женщин накануне родов.

Страшные крики Кхацы поражали весь табор. Роды проходили тяжело, пришлось даже позвать Раду, старшую сестру Зурала и известную на весь табор шувани¹. Она ворожила над женщиной и отгоняла злых духов.

---

¹ Ведьма табора. В одном таборе живёт только одна шувани.

Наконец, Рада подошла к Зуралу, вытерла вспотевший лоб и улыбнулась:

– Радуйся, баро! Сын! Чаворо!²

Будь его воля, он бы запел. Зурал хотел было кинуться внутрь шатра, но вовремя опомнился: негоже мужчине вступать в осквернённое место и видеть то, чего не положено. Внезапно Кхаца снова закричала, и нахмурившаяся Рада бросилась обратно.

Не к добру это всё было, ой не к добру. Плач младенца перебивался женским до тех пор, пока последний не стих совсем. Зурал успел выкурить две трубки прежде, чем уставшая шувани вышла к нему.

Она не стала ничего говорить – лишь взглянула так, будто мимо пролетела молния и ударила в дерево. Зурал всё понял. Кхацы с ними больше не было, зато остался сын.

– Мальчика надо омыть и перекрестить, – выдохнула Рада. – Я заберу его в свой шатёр. Подготовлю соль, воду и ладан. Пусть девки займутся усопшей, её тело я омою чуть позже. Всё же жизнь и смерть не должны пересекаться.

Зашелестели юбки, запахло костром. Спустя время из шатра Рады потянуло вонючим дымом. Зурал поморщился: он ненавидел ладан, но понимал, что так было нужно. Если мальчика не выкупать в солёной воде, не окурить как следует, не поднести к живому пламени, то злые духи захватят младенца и понесут его далеко–далеко.

---

² Мальчик (с цыганск.)

Умершую жену тоже следовало проводить. Её имя стало табу³, поэтому его никто не упоминал, но все – как прознали – разразились плачем. Девки и вовсе падали на траву и бились о землю, а мужчины хмурились и молчали. Кто-то взял себя в руки и начал наигрывать на семиструнной.

– Не рви душу, Лыко! – бурчали.

– Да как же не рвать, если трещит всё?! – возмутилась Зарра. – Пусть поёт!

В тот вечер пели про жизнь и смерть, про их взаимосвязь и совсем немного – про очищающие костры, способные благословить дышащих и прогнать тех, кто мог прийти с того света. Старая Рада купала маленького Мирчу в солёной воде, называла его великим бароном, повторяя, что будущее табора однажды окажется в его руках. Зурал не смотрел на сына – слишком много боли принёс с собой этот мальчик. Хоть он и не любил жену, но смерть цыганки – трагедия для всего табора.

Помнится, Зурал слышал историю, как один барон настолько страдал по умершей, что сжёг её тело вместе с кибиткой. Ай–яй–яй, лихая доля, лихая голова. Если он поступит так же, то где же тогда будет расти Мирча? Не мог же барон оставить единственного сына без крыши над головой! Нет, Зурал не собирался сжигать дом ради одной бабы. Лишь смерть сестры могла бы сподвигнуть его на подобный посту-

---

³ Цыгане не называют умерших по имени, т. к. считается, что так можно призвать мертвеца с того света.

пок, но у неё давно уже была своя кибитка, поменьше, правда, но побогаче, что неудивительно – к их шувани прибежали на поклон даже городские, а не оборванцы, а купчихи в собольих шубах и молодые панночки.

Присутствие гаджо⁴ в таборе не нравилось многим, но Зурал не мог возразить сестре (всё же она была на 10 лет старше) – пришлось подарить ей золотистое украшение и мягко попросить ставить свой шатёр чуть поодаль, чтобы чужаки не совались к ним, не смотрели косо на цыганок и не пугали детей. Впрочем, последние были только рады – не было для них лучшего развлечения, чем попробовать забраться в карман гаджо и найти там что–нибудь особенно ценное или хотя бы пару монет. Иной раз удавалось вытащить шёлковую ленту, перстень или жемчужные часы дивной красоты. Что правда, на ярмарке такое не продашь – сразу узнают. Зато можно было преподнести подарок какой–нибудь девице.

Зурал просидел до рассвета у костра. Сон не шёл к нему, а может, просто не хотелось возвращаться в опустевший шатёр. Маленький Мирча всё равно будет под присмотром сестры или другой цыганки – до тех пор, пока не станет достаточно взрослым и перестанет нуждаться в молоке и омовении.

Чтобы злой дух не подобрался к душе ребёнка, Раде придётся много купать его, а в свободное время сплести оберег. Так было положено. Со временем Мирча окрепнет, встанет на ноги, и тогда Зурал заберёт его в свой шатёр и будет учить

---

⁴ Не цыгане, обычные люди.

главному – как быть достойным бароном и следить за порядком в таборе, а также не подпускать к себе чужаков, но смело драться с них по три шкуры и выдавать старых кляч за молодых кобылок удивительной красоты.

– Моё солнце угасло, дав нам надежду, – покачал головой Зурал, завидев уставшую Раду. – И эта надежда однажды станет нашим солнцем.

– Тэ явэс бахтало, баро⁵, – поздоровалась сестра. – Да будет так!

Кровавые лучи заиграли на багряно–оранжевых шатрах и тёмных кибитках. Ленты, засушенные цветы, остатки еды и вина – всё лежало вперемешку. По воздуху летал запах полыни. Дети кривились, чувствуя босыми ногами холодную росу, женщины, наоборот, умывались, веря, что то целебная вода. Рада сидела рядом с Зуралом и сплетала из берёзовых ветвей маленький оберег для Мирчи, нашёптывая заклятья.

«Да будет так!» – сказала шувани, и ему очень хотелось верить, что их табор не пропадёт и его сын станет замечательным бароном, приумножив богатство и добавив целый табун породистых скакунок и мешки чистого золота.

2.

В таборе бушевало пламя. Зурал не посмел оскорбить дом сестры гневом, поэтому вылетел на улицу и громко выругался. Рада спокойно вышла вслед за ним, перетасовывая старые потрёпанные карты, доставшиеся ей от наставницы –

---

⁵ Приветствие у цыган, дословно означает «Радуйся!»

прежней шувани и кровной тётки.

– Не может того быть! – он топнул ногой, сбивая мшистый камень. – Негодные духи водят нас за нос!

– Карты врать не могут, баро, – строго произнесла Рада. – Если Мирче предназначено прожить только четверть века, он проживёт их.

– Бэнг! ⁶– шикнул Зурал и замер. Пришедшая в голову мысль показалась ему странной и удивительной одновременно. Он наклонился к сестре и поделился своей догадкой – та от удивления прикрыла рот рукой.

– Страшное ты задумал, морэ, – едва слышно сказала шувани. – Ох и страшное дело.

– Платить буду я, а не ты, – хмуро хмыкнул Зурал. – Я люблю Мирчу и ничего не пожалею ради него. Ответ только: согласна? Сестра?

Рада тяжело вздохнула и кивнула. По её взгляду Зурал понял: не одобряет и никогда не одобрит, но другого выхода не находилось. Откупиться от самой Смерти можно было одной лишь кровью, своей или чужой.

---

⁶ Чёрт (с цыганск.).

I. Первая искра

1.

Догорало лето, начинался праздник Первого Колоса, в честь чего многие уже давно съезжались на ярмарку, других поглядеть, себя показать. В стороне замелькали цветастые юбки, и Чагрэн поневоле дёрнулась, заметив цыган, но её мигом осадили:

– Кудаааа?! – совсем рядом свистнул кнут.

Невольница дёрнулась в сторону и испуганно прижалась к стенке. Раньше барин заставлял её отплясывать на подмостках вместе с другими цыганками, но танцевала Чагрэн худо, а пела и вовсе глухо, фальшиво – так, что хотелось зажать уши. Будто и не цыганка вовсе, лишь по густым смольным волосам догадаться можно, кто она.

Хоть цыгане считались вольным народом, Чагрэн мало знала о свободе. Её родителей давным–давно сослали на каменную, а её отдали барину вместе с другими цыганками и цыганятами. После безуспешных попыток устраивать выступления их всех решили быстро сбыть с рук, для чего и принарядили. Кажется, впервые в жизни Чагрэн позволили умыться и поменять рваную засаленную одежду. Она слишком поздно поняла для чего.

Проскакивала у неё шальная мысль – сбежать, дожидаться,

пока стражники уснут, а затем перемахнуть через забор, не жалея юбок. Так попыталась сделать Роза. И что с ней стало? Через два дня поймали, высекли, приволокли едва живую к барину на поклон, а после повесили на дубе, даже похоронить по-человечески не дали. Чагрэн смотрела на гниющее тело Розы и понимала: нет, она не сбежит, по крайней мере, пока.

Люд стекался на ярмарку постепенно. С самого утра вдоль невольничьего ряда расхаживали купцы, шевелили губами, хмыкали, говорили о чём-то со стражниками, пытались торговаться, выходило паршиво. Чагрэн старалась не высываться. Уж лучше плясать, стирая ноги в крови, чем так, как скот, сидеть в кандалах и ждать незнамо чего.

Она согнула ноги в коленях и тяжело вздохнула, мысленно прося святую Сару Кали о заступничестве. Чагрэн слышала о ней от других цыган. Правда, она не сильно верила небесам, не укладывалось в её голове, что Бог, такой милостивый, как описывали, и впрямь появился в мире, прибрал всё к рукам, включая невольничью долю. Зачем такому хорошему плодить несчастья? Нет, были там иные силы. Но молиться это не мешало.

– Ой, дэвлалэ, дэвлалэ⁷, – слышалось совсем рядом. Чагрэн вздрогнула и, не веря своему счастью, подняла голову и столкнулась с чёрными, как реки в ночи, глазами. Седовласая цыганка окинула её взглядом и задумчиво хмыкнула. –

---

⁷ Боже мой! (с цыганск.)

Радость какая, морэ! Посмотри!

Вслед за цыганкой шёл, видимо, её родственник. Старый и седой, с позолоченной трубкой и сияющей пряжкой на штанах. Чагрэн оглядела их обоих и фыркнула: оберегов на цыганке не перечесть, вся шея была обвешена украшениями из разных камней, монет, в середине одного ожерелья чернел птичий коготь. Не ускользнул от её глаза и льняной платок, такой, какой носят лишь богатые. Может, эти цыгане были не ровней её барину?

– Думаешь, она? – спросил цыган, глядя прямоком на Чагрэн.

– Больше никому, – пожала плечами женщина. – Гожо чари, гожо.⁸

В отличие от многих, эти цыгане не стали торговаться – молча заплатили стражнику золотыми монетами, и тот, хмурясь, освободил Чагрэн и повелел ей следовать за новыми господами и во всём их слушаться. Цыганка весело усмехнулась. Да, как же иначе–то?

Она была уверена: дальше будет только лучше, ведь впереди – воля вольная да табор. Свои, в конце концов! Наконец–то свои, а не какие–то гаджо со своими кнутами.

2.

Молодая невеста сеяла тоску в душе Зурала. Нищая и истрёпанная девчушка совершенно не нравилась старому барону, но слово шувани считалось законом. Если он хотел

---

⁸ Красивая девочка, красивая (с цыганск.)

уберечь сына, то должен был сперва жениться, а потом провести обряд и связать Чагрена с Мирчей раз и навсегда.

Мирча, буйная голова, вечно встречал куда-то. Ему шёл девятнадцатый год. С малолетства парень научился залезать в чужие карманы и голосить душевные песни, а, став старше, ездил по торгам, учился исконному ремеслу, помогал перекрашивать лошадей, а после и вовсе заделался конокрадом. Он мог влезть в самую неприступную усадьбу и вывести оттуда ни больше, ни меньше, а целый табун породистых лошадок, с белыми зубами, статными ногами и широкой гривой. А как глядел, когда злился! Словно нечистый в него вселялся и метал искры, не желая ничего слушать.

Глядя на него, Зурал узнавал себя в молодости. Он тоже когда-то мастерил дом для птиц, крепко-накрепко склеивал части первого ножа⁹, который потом всюду носил с собой и хвастался, мол, вот, острый, с позолоченной рукояткой, а режет, режет-то как! Славный нож, барон до сих пор хранил его у себя и не давал в чужие руки. Не положено.

Конечно, Мирча не знал о пророчестве шувани, хотя слухи ходили. Впрочем, болтать могли всякое. Теперь вот молва шла, будто барон до жути влюбился. Одни говорили, что Зуралу на старости лет захотелось страсти, другие – что Мирча-таки прогневил отца и тот решил сделать нового наследника, а третьи радовались предстоящей свадьбе.

---

⁹ Когда цыгану исполняется 14 лет, он должен сделать дом для птиц, а также нож.

По традиции барон решил не торопиться, а дожждаться полночи¹⁰. В день, когда луна войдёт в силу, весь табор будет петь и гулять, а Зурал и Рада проведут обряд и поставят сильную защиту. Вот тогда пусть Мирча творит всё, что захочет – ни один удар не обернётся ему погибелью! А если что не так, замертво падёт Чагрэн, до которой ни барону, ни его сестре дела не было. Шутка ли – безродная невольница, приблуда из пойми какого табора. На такое «сокровище» никто даже смотреть не станет.

– Баро? – Рада вынула изо рта трубку и недобро прищурилась. – Ты окончательно решил?

– Да, – сказал Зурал. – Обязательно ли для этого справлять свадьбу?

– Мы должны принять девочку в семью, – хмуро отозвалась цыганка. – Точнее, ты должен. Если всё ещё хочешь.

– Как будто у меня есть выбор, – фыркнул Зурал.

Рада ничего не ответила – молча продолжила курить трубку и хмуриться. В шатре пахло мятой и ладаном. Старая шувани никому не раскрывала своих секретов, но Зурал точно знал: она добавляла к табаку другие травы. Иной раз зайдёшь к сестре и задохнёшься от горькой полыни, а Рада усмехнётся, показав до жути жёлтые зубы.

А до Чарген и её доли Зуралу дела не было. Он и так освободил невольницу, выкупил, заплатив золотом, даже не стал торговаться. Как говорила сестра, с Судьбой не торгуются,

---

¹⁰ Все цыганские свадьбы принято справлять в полночь.

ибо её лишней монетой не подкупишь, к сожалению. Зурал возьмёт безродную бесприданницу в законные жёны, не потребует ничего, кроме покорности, и только. Разве это лихая доля? Для девки главное – работать, как остальные цыганки, спорить на торгах до хрипоты и слушаться мужниного слова. А ведь могло быть намного хуже. Зурал сам видел, как гаджо обходились с невольницами, особенно цыганского рода, так что пусть эта Чарген скажет ему спасибо.

3.

Для Чарген сделали отдельный шатёр. Цыганки дали ей пару платьев, пышные юбки с латками в разных местах и украшения. Кто принёс ленты, кто – обереги. В стороне лежали гвозди от лошадиной подковы, красное пёрышко, соляные камни, ежовая лапка и золотистая монета. Последняя – на свадьбу, чтобы откупиться от нечисти и сделать брак крепким.

Чарген не была уверена, хочет ли она того. Барон Зурал годился ей в отцы, если не в деды, но он всё же выкупил её из неволи, заплатил, не торгуясь, золотом, а теперь вот, велел дать ей отдельный шатёр, платья, украшения. Из невольницы Чарген превратилась в цыганскую невесту. Можно ли было желать лучшей доли? Она сомневалась.

Тяжело вздохнув, Чарген выскользнула из шатра. В таборе на неё недобро косились. Ещё бы: куда ни глянь – полно красивых и статных цыганок разных возрастов, а барон взял и выбрал чужачку–невольницу, к тому же безродную

и бесприданную. Захотел показаться благодетелем и сделать доброе дело? Так зачем тогда жениться самому – отдал бы её кому другому, хотя бы вот этому... Чарген взглянула на юношу, который лихо гарцевал на смольном жеребце и хвастался, что увёл красавца у самого графа. Конечно, ему не верили.

– Ай да Мирча, ай да подлец, – усмехались цыгане. – Со всем заврался, чаворо. Что только отец скажет, м?

– Собака врёт, а я правду говорю, – он потрянул чёрными кудрями. – Ну стал бы я врать, ромалэ? Как перемахнул через забор, как взял самого прекрасного коня, а всех собак перебил, не успели и вскрикнуть.

Чарген слушала его, раскрыв рот, и поневоле любовалась. Болотные, сверкающие, как у самого Лешего, глаза заворожили её. До жути захотелось прижаться к цыгану, обнять, поцеловать и сказать, что он только её, а она – его.

– А вот и наша невеста! – обратили на неё внимание. – Пойди сюда, Чарген, покажи нам себя!

Она стояла ни жива, ни мертва, пока чужие руки не потащили её в сторону. Чарген с неохотой отвела глаза от незнакомца и закружилась среди цыганок. Они называли её золотой, бриллиантовой и хрупкой, как хрустальные бокалы в богатых дворцах. Каждая отчего-то ощупывала её, осматривала грязными руками, словно искала спрятанные сокровища. Но у Чарген ничего не было – одни только кости торчали.

– Славное дитё, славное, – говорили цыганки. – Только уж

больно худая. Боюсь, не родит она баро детей.

– Дура ты! – слышалось в ответ. – Зачем Зуралу ещё дети? Разве Мирча плохой парень, а?

– Мирча? – сердце Чарген пропустило удар.

– Ну да, – хмыкнула цыганка. – Мирча слааавный, только малость непослушный.

– Ага, малость, – фыркнула другая. – Совсем недавно Зурал грозился его прилюдно кнутом отходить, если тот снова пропадёт без его ведома. А ему что? Убёг следующим утром – и ищи–свищи, пока сам не явится!

Чарген печально улыбнулась. Вот, значит, какую долю ей уготовили. Всю жизнь прожить рядом с любимым, пропадать, тонуть в его глазах и быть мачехой, стоять рядом со старым бароном и смотреть, как он гуляет с другими девками, улыбается им, дарит подарки, а после... О, она не переживёт, если Мирча однажды приведёт в их шатёр другую, такую же молодую, как сама Чарген!

Вот теперь свадьба казалась ей настоящим лихом. Нет, не собиралась она подбрасывать монетку у алтаря и откупаться от нечистых. Пусть их брак разойдётся по швам, затрещит как можно скорее! О, раз уж на то пошло, Чарген отрежет себе прядь волос, затем возьмёт столько же у Зурала и пустит их по ветру, приговаривая, чтобы они как можно скорее растались, и неважно, что будут повенчаны кровью. Не станет Чарген томиться всю жизнь рядом с нелюбимым.

Совсем недавняя неволя показалась ей куда слаще, чем

раньше, и барен в воспоминаниях уже не был таким лютым. Забыла Чарген то, как он порол её, не жалея ни своих сил, ни тонкой девичьей кожи.

Как бы ещё волю Мирчи привязать к своей? Она задумалась. Всякими приворотами обычно занималась шувани, но к старой Раде Чарген не пойдёт – слишком опасно. Сестра Зурала всё–таки. Не станет она жалеть какую–то девку. А если заметит чужую ворожбу, что тогда? Не сживёт ли она со свету Чарген?

От этих мыслей стало и дико, и больно. Пришлось спрятаться в шатёр, забившись в укромное место. Здесь её не потревожат понапрасну. Чарген взглянула на богатые подарки и помотала головой. Ай лихо её судьба–злодейка провела! Вот тебе и свобода, и золото – бери, гребь руками, только забудь про сердце, не позволяй буйной крови кипеть внутри и взрываться, коль на то не будет мужниного позволения.

Чарген не выдержала и тихо заплакала. Пропала она так, как пропадали породистые жеребцы, которые стояли в барских дворах потехи ради. Не будет ей ни покоя, ни радости с этих пор. И как только смириться? А ведь хочется – до зуда хочется – кинуться в лес сквозь овраги, найти там болото и утонуть в топях.

Единственное, что удерживало её от страшного – взгляд Мирчи. Хоть бы раз увидеть очи, пылающие зеленью! И только тогда можно будет убиваться.

Останавливаться надолго возле Осколки, богами забытой деревни, Зурал не собирался. Куда больше собственной свадьбы его беспокоила приближающаяся зима. Из-за слякоти на дорогах колёса кибиток постоянно вязли, и табор передвигался медленнее обычного. Это очень не нравилось Зуралу – ему хотелось успеть до первых заморозков, дойти до тёплого приморского городка и затаиться там до весны.

Да и девки таборные уже недобро хмыкали. Они по зиме обычно сбегали в города, где пели о нелёгкой доле и собирали немало монет. Понятное дело, что их одних барон никуда не отпускал – только под присмотром Луйко. Если хотя бы одна понесёт или пропадёт, как Зухра в прошлом году, он спустит шкуру и с Луйко, и с семьи девки. Табор страшился баронского гнева, поэтому обычно всё проходило гладко.

К слову, о Луйко. Он часто вертелся возле Зурала ещё с мальчишества. Неплохой малый, рукастый, славный, но до Мирчи ему было далеко, хотя последний был младше Луйко лет на десять. Зурал надеялся, что он станет верным другом сыну. Может, именно Луйко в будущем сможет сдержать буйный нрав Мирчи?

Зурал пригладил седые волосы и задумался. Зима обещала быть лютой, с колючими метелями и жуткими морозами. Уже вон начинались проливные дожди, от которых не спрячешься среди чистого поля. Потому-то табор и встал возле перелеска, чтобы отпраздновать свадьбу, а на рассвете двинуться дальше.

Самых красивых и голосистых девок мигом отправили в Осколку – гадать, петь, воровать – в общем, добывать пищу. В том не было ничего сложного: стоило прицепиться к какой-нибудь заплаканной девке, рассказать ей про све-кровь-жабу, про недоброго мужа, про строгих родителей и про ребёнка, который наверняка получится статным, храбрым и умелым. Такие находились в каждой деревеньке, по штук десять. Зурал усмехался, глядя, как молодницы возвращались с мешками и хвастались дарами, голося на весь табор.

А вот Чарген нигде не было видно, как будто запропастилась куда. Барон нахмурился. Шатёр его невесты стоял совсем рядом, яркий, потёртый, немного грязный. Неужто захворала накануне свадьбы? Или стеснялась таборных? Вот ведь чего не хватало!

Лицо Зурала потемнело. Он ещё раз осмотрел бегающих вокруг цыганок. Повернул голову на дорогу и облегчённо выдохнул – вон она, стоит себе среди коней, вытирает вороного и вплетает ему в гриву медные бубенцы. Значит, девке лошади по душе? Зурал усмехнулся. Тяжело не любить, да ещё таких статных, с белоснежными зубами, мощными мускулами, без единого пятнышка на теле. Один конь ткнулся ей в ладонь, и Чарген звонко засмеялась.

– Ай мой хороший, – запричитала она. – Ай мой брыльянтовый, чтоб тебе бегать целый век по вольной степи.

Вот и славно. Невеста не бездельничала, остальные тоже.

Барон опустил на землю и цокнул зубами. Пришло время признаться, что он просто пытается гнать прочь мысли о Мирче. Того, как обычно, не было в таборе – носился невесть где, паршивец. Хоть бы подождал до свадьбы! После обряда пусть делает всё, что душа пожелает. Но разве ж удержишь молодца, да ещё такого лихого? Нет, чем сильнее натянешь поводья, тем резвее будет вырываться и в конце концов понесёт со всей дури.

Зурал тяжело вздохнул. Вечерело. Девки варили картошку с курятиной, мальчишки подкидывали хворост в костры. Где-то в стороне Луйко брэнчал на гитаре. Играть толком он не умел. Когда б ему учиться-то? Но помучить семиструнную – любое дело.

Отчего-то многие гаджо думали, что у них в таборе полно музыкантов. Ан-нет, как им учиться, когда вся жизнь – в делах? Да и гитару не каждый за собой согласился таскать – громоздкая, хрупкая, не в каждую кибитку поместится. Вообще чистая музыка была уделом городских цыган, иного племени. Многие в таборе презирали их и считали, что те не видели настоящей жизни и уподоблялись гаджо. Впрочем, это совсем не мешало молодым девкам бегать каждую зиму по кабакам и переулкам да голосить со всей мочи, напевая о любви, воле, конях и веселье.

– Тэ авэс бахтало? – Рада со вздохом опустилась рядом.

– Опять будешь спрашивать? – хмыкнул Зурал. – Я не передумаю, не теперь.

– Тяжкое бремя легло на твои плечи, – сказала шувани. –

Что думаешь делать, морэ?

– Как – что? – удивился он. – Свадьбу играть, что же ещё-то?

– Я про первую ночь, – Рада закурила трубку.

О, бэнгэ! Зурал совершенно забыл об этом. Тащить в постель девочку не было никакого желания, да и стар он уже для такого. Было время, гулял с девками – и с таборными, и с гаджо, да вот и с Кхацой. А теперь уже не тот, что прежде.

– Не хочу быть с ней, – признался Зурал.

– Не хочешь – не будь, – пожалала плечами Рада.

– Таборные порвут, если простыню не вынести, – он покачал головой.

– Будет тебе простыня, – усмехнулась шувани. – С пятнами крови, как положено.

– Что попросишь? – Зурал взглянул на Раду. – Бусы, коня, новую телегу?

– Обижаешь, баро, – хмыкнула сестра. – То мой подарок на свадьбу.

Правду говорили, что барон без шувани – всё равно что ладонь без пальцев. Что бы он делал, не будь рядом сестры? Да ничего – пропал бы, тревожась за Мирчу! А Чарген, эта девочка? Зурал усмехнулся. Он не видел в её глазах искр любви, хотя цыганка кланялась ему низко и приветствовала как подобает. Что ж, он тоже её не любил и не собирался. Предавать память Кхацы ради безродной невольницы? Нет

уж, не баронское то дело.

Лесная сырость переплеталась с дымом. Мальчишки, велясь, бросали в костёр жёлтые листья, и пламя вспыхивало. Хохот перемешивался с руганью. Зурал улыбнулся: когда-то он тоже любил шалить в пику матери, сбегал из дома вместе с кофарями¹¹, шатался по ярмаркам и кабакам, выискивал хорошие карманы, в которые не зазорно было залезть. Однажды его выпороли. Зурал того не забыл – следующей же ночью вернулся к барину и увёл у него коня. Гнедого, большого, статного. Отец дивился – как только утащил, чёрт, как умудрился удержать поводья тонкими мальчишескими ручонками?!

Если бы не предсказание, Зурал не беспокоился бы за единственного сына. Вот ведь Кхаца! Не могла родить двоих за всё время?! Тогда бы и волноваться было не о чем. Сам Зурал тоже пытался, да не выходило. Ни одна цыганка так и не понесла от него, как будто проклял кто. Сестра же на все вопросы только пожимала плечами и говорила, что Судьбу вокруг пальца не проведёшь. А ещё шувани, называется! Разве не для того земля создавала ведьм?!

– Не гори так, – фыркнула Рада. – А то к утру один пепел останется.

Зурал набрал полную грудь дымного воздуха и тяжело выдохнул. Он был готов вцепиться в любую возможность, и эту тоже, разодрать самой Судьбе глотку, лишь бы сохранить

---

¹¹ Цыганские торговцы лошадьми, барышники.

Мирчу, а вместе с ним и будущее табора.

5.

Юбки запутывались в кустарниках, цеплялись о колючие ветки. Чарген то и дело ойкала от боли, ощущая под босыми ногами шишки или иголки елей. Чувствовала: далеко не сбежит, догонят, приведут обратно в табор и высекут. Невиданное дело – вчерашняя невольница, попав к своим, едва ли не кричит от ужаса и пытается утопиться, ища болотные топи.

Чарген хотелось верить: не зря цыганки вечером болтали, будто по лесу бродит чудище, которое завлекает глубоко в чащу, а после топит в болоте красивых девок. Конечно, она никогда не была первой красавицей – бледнее обычных цыганок, худая, с густыми, но растрёпанными косами, медными очами без малейшего блеска. Встречая пятнадцатую весну в неволе, Чарген мечтала о свободе и не думала, что её желание сбудется, причём так скоро.

Одно дело – отплясывать на подмостках для гаджо, другое – обмениваться кровью со старым бароном. Оба дела казались ей противнее некуда, но ведь был ещё и Мирча! Мирча, из-за которого она никогда не осмелится всерьёз бежать. Чарген искала погибели, но если чудовище не придёт за ней, то что ж делать? Она помнила дорогу назад. Злые языки станут болтать, что девка решила разменять невинность, но быстро смолкнут. Чарген не представляла, как ляжет в постель с нелюбимым. Скорее всего, налакается хмельного так, что перестанет стоять на ногах и ничего не вспомнит наутро.

Она всё–всё забудет – а свидетелям вынесут испачканную простыню.

Стоило об этом подумать, как Чарген ощутила прилив сил и с небывалой решительностью зашагала поглубже в лес. Запах костров сменился хвойным. Откуда–то потянуло ещё и полынью. Она принюхалась и ощутила тонкий дымок, как будто где–то неподалёку курились травы. Не успела Чарген удивиться, как чужая рука схватила её за плечо.

– Не кричи, чайори, – донёлся хриплый голос. – Это всего лишь я.

Чарген с облегчением узнала старую Раду. Ведьма стояла посреди поляны и как будто перебирала лунный свет в ладонях. Ну конечно! Что же ещё делать ведьме? Скоро ведь полнолуние – время любви и заклятий.

– Что вы тут делаете? – прошептала Чарген. Глупый вопрос.

– Гуляю, – хмыкнула Рада с хитрой усмешкой. – Полагаю, ты тоже?

Она кивнула. Сбежать в лапы чудовища не получилось. А может, старая ведьма сама распространяла слухи, чтобы никто, кроме неё, не совался в чащу и не мешал тёмным делам? Хитро, ой как хитро.

– Давай пройдемся, – предложила Рада.

Чарген не стала спорить, позволив взять себя за руку и увлечь подальше в дебри. Седая цыганка ступала медленно и осторожно, оттого её платье не цеплялось за кустарники.

Мишистая тропка ложилась перед ними ровно, а чужие очи, прятавшиеся в оранжевых кронах, разом исчезли.

В ту ночь Рада дала Чарген слово, что Зурал не обидит её и не воспользуется правом первой ночи, а сама она останется чистой, в том числе перед табором.

– Разве такое возможно? – нахмурилась Чарген, ощущая подвох.

– О, чайори, – пропела шувани, – в моих руках возможно многое. Поможешь мне,поможешь и самой себе.

– Я всё сделаю, – она согласилась. Не спорить же ей со старшей, в конце концов!

Рада взяла у Чарген несколько капель крови и прядь волос. И то, и другое она спрятала в карман платья, а после хитро улыбнулась и повелела ей ступать назад в табор и ни о чём не волноваться.

– Судьба всё знает, чайори, – приговаривала шувани. – Судьба обо всём позаботится.

Эти слова настолько успокоили душу Чарген, что она молча пошагала в табор и, кажется, впервые заснула без слёз. По табору прошёл слух, мол, загуляла девка, на что старейшины хмыкали и говорили: через сутки свадьба, а там и видно будет – загуляла или нет. Злые языки и без того болтали о Чарген всякое. Говорили, что она спала с барином, кутила, шатаясь по разным кабакам, что стелилась под ноги нищим гаджо и что барон совсем скоро опозорится, но мало кто верил подобным сплетням. Все прекрасно понимали: не будь

Чарген девицей, давно бы сбежала или утопилась, не став соглашаться на прилюдный позор.

В ту ночь лес шумел особенно громко. Сухие листья пролетали мимо шатров, а иной раз вовсе оказывались внутри, и цыганки невольно поёживались от холодных волн. Самые языкастые и в этом усмотрели лихой знак, мол, вот, ветра воют перед свадьбой – значит, дело нечистое.

– Тьфу на твой язык, – шипели в ответ. – Как будто неясно, что там ворожба творится. Не зря ведь Рады нигде не видеть.

– Дэвлалэ–дэвлалэ... Лишь бы всё было в порядке.

– А ты не каркай на ночь глядя! Лучше спи, а раз не спится – делом каким займись! Что, мало в Осколке неворованных куриц?!

К полночи редкие разговоры затихли. Табор погрузился в сон. Особенно громко посапывали цыганки, зная, что им вставать на рассвете, идти в деревню, а потом много и долго готовить, наряжать невесту, украшать шатёр Зурала и пировать целую ночь, приветствуя молодых.

I

I

. Ворожба под луной

1.

Кони бегали вокруг Мирчи, плескались в речке, обрызгивая его с ног до головы. Обычно он весело хохотал и жался то

к одному, то к другому, но теперь все мысли занимала смуглая цыганочка, которая совсем недавно была невольницей. Нет, Мирча не любил её. Что там любить—то? Кожа, кости да злой взгляд. Такая ещё накинется волком, расцарапает всё лицо, дикарка. Он боялся другого — рождения сына.

Мирча не был дураком. С малолетства ему приходилось видеть, как отец вертелся вокруг цыганок, а после ходил грустный и поджимал губы. Нет, не плотских утех захотелось барону — Зурал отчего—то мечтал о ребёнке, ещё одном мальчишке. Видимо, не пришёлся Мирча ему по душе, не нравился крутым нравом, длинным носом и пылающей зеленью в очах. Даром что копия.

И женился наверняка потому, что не терял надежды на старости лет. Всё думал о том, как бы заменить нерадивого сына другим. Мирча опустил голову в речной поток. Вода остужала, помогала успокоиться и прийти в себя. Что он станет делать, если цыганочка — почти дитя! — родит барону сына?

Мирча зло усмехнулся. Даже если так, то будет потомок невольницы и чужачки. Табор не примет этого выродка, не позволит, чтобы над ними стоял тот, кто ниже по роду и крови. Другое дело — он, Мирча, сын Кхацы и Зурала, выросший при своих и с детства знавший все обычаи. Настоящий цыган, с бурлящей кровью и страстью к лошадям. Никто, кроме него, не сможет занять отцовское место.

А старик пусть делает что хочет, хоть сто раз пытается.

Думалось Мирче, замучает он девчонку, если та не понесёт после свадьбы. А потом женится в третий раз. Что ж, невольниц на свете полно, и цыганских тоже.

Конь ткнулся Мирче в плечо, намекая, что голоден. Цыган отмахнулся. Ему и самому стоило бы задуматься о женитьбе, да только никто из таборных не примелькался, а притаскивать незнакомку не хотелось. Что остальные скажут – то? Месяц будут чесать языками, перемывая все кости, коситься, зло шутить. Разве оно Мирче надо? Нет, если и брать, то только родовитую, голосистую и непременно красивую, чтобы сияла на весь табор, но такой пока не сыскалось.

Мирча засмеялся. Надо же – даже к цыганкам стал относиться как к кобылам! Родовитую ему подавай! Ничего, сам украдёт, если встретится на дороге. Шутки шутками, но девка от кобылицы и впрямь мало чем отличается.

– Славные кони, – донёсся девичий голосок.

– Ага, – буркнул Мирча и мигом оказался на берегу, схватил рубашку и накинул наспех. Не положено девкам глазеть на полуодетых мужчин.

И правильно сделал – Чарген вроде как смотрела в сторону, но то и дело бросала взгляд на Мирчу. Смотрела с опаской и интересом.

– Что будешь делать с ними? – спросила она. – На ярмарку погонишь?

– Хочешь – могу тебе подарить одного, – сказал Мирча. – Выбирай любого, не стыдись. Мы скоро роднёй станем.

Как ни крути, а сын должен был уважить отца. Потому и решил подарить невесте какого-нибудь жеребца. Мирча осмотрел её: бледнее обычного, руки подрагивают, а глаза красные, как будто плакала всю ночь. Мда уж, в могилу и то краше кладут. А ещё – невеста! Смех один, да и только. Интересно, она вообще в силах дитя зачать? А может, совсем ничего не понимает в подобных делах?

– Рыжего хочу! – неожиданно улыбнулась Чарген. – Подаришь мне рыжего, а?

– Забирай! – хохотнул Мирча. – Бери, пока дают, и радуйся! Считаю, не коня, а мешок чистейшего золота с собой забираешь, во!

Она звонко засмеялась, выступили ямочки на щеках. Мирче тоже стало смешно, только с самого себя. Надо же – испугался этой девчонки! Она ведь даже не девка, а так, почти взрослая. Дай соломенную куклу – и будет играть.

Мирча погладил её по голове, как младшую сестрёнку, а потом исчез среди лошадей. Веселье весельем, а дел был немерено. Скоро табор снимется с места, а это означало, что ему надо успеть сбыть коней на ближайшем рынке, а под ночь отправиться в деревню и забрать одного приметного жеребца, пока цыгане будут гулять и шуметь.

Мирча не был единственным конокрадом в таборе, но никто не уводил лошадей так часто и ловко. Другие работали реже и только тогда, когда видели достойную породу.

Речка журчала, звенела почти как бубенцы. Чарген усе-

лась на мшистой кочке и опустила ноги в речку. Надо же – не побоялась намочить юбки. На какой–то миг он задумался, каково быть в неволе, трудиться ради другого и знать, что есть иная жизнь. Наверное, горько. Цыгане – не гаджо, для них – степи, чистые воды, леса и городские стены. Все кони в мире отплясывали для ромал и желали оказаться в их умелых руках.

Мирча тоже мечтал о табуне породистых, чтобы сверкали гривами, топтали копытами золото и затмевали остальных лошадей на ярмарках. За таких не страшно было продать душу. И какая только нечисть дёрнула его предложить одного из своих красавцев Чарген? Разве же это справедливо – брать целого рыжего жеребца лишь за то, что идёшь замуж за барона?

Дэвла, да что вообще девка может понимать в конях? Ей подавай мониста да серьги потяжелее, чтоб свисали до плеч и звенели, как монеты. Надо было купить ей ожерелье да пару увесистых браслетов, вот и был бы подарок.

– Да чтоб тебя! – Мирча топнул ногой, устыдившись подобным мыслям. Зурал, дадо¹², растил его в сытости и здравии, не жалел денег на новые штаны или ладный нож, а он, как последняя крыса, не хочет отдавать коня! Не последнего, не единственного, хоть и золотого, медного. За такого на ярмарке целый кошель можно было достать.

Позабыв про Чарген, он скинул рубаху и прыгнул в речку.

---

¹² Папа (с цыганск.)

Холодные воды приятно обволокли тело. Казалось, в самое ухо сладко запел русалочий хор. Мирча улыбнулся и вскинул голову вверх, любуясь багряными кронами и удивительно голубым небом. Лазурь переплеталась с червонной осенью, и ни один дождь не мог испортить этого.

Мирча знал: через месяц все краски исчезнут, сотрутся, и настанет сплошная серость, колёса будут вязнуть в липкой грязи, и ни один уважающий себя цыган не сойдёт с широкого большака в подобное болото. Не зря их табор медленно полз к Приморью. Там и остановятся на целую зиму. Милое дело – выкупаться в солёной воде, почерпнуть монет из чужого кармана и затеряться в толпе тех, кто встречал корабли и любовался кровавыми лучами, играющими на буйных волнах.

2.

Чем ниже клонилось солнце, тем сильнее темнело лицо Чарген. Никак не могла привыкнуть к мысли, что вечером на её шею повесят монисто из монет и что станет она мужчиной женой, и не абы чья, а самого барона. И зачем ему сдалась невольница–голодранка? Без приданого, без родителей, почти каторжница. А если поверить словам Рады, то он вообще не собирался прикасаться к девице. Брезговал? Не хотел по-настоящему родниться с невесть кем.

Чарген знала: если б высоко ценил её, отдал бы за сына. Но нет – почему–то женился сам, не из большой любви. А может, ему нравилось, когда жена покорнее некуда? Ведёт

себя в доме тише воды, ниже травы, слова не скажет поперёк и работает с утра до ночи. Что ж, Чарген часто трудилась до обмороков, ей не привыкать. Лишь бы не трогал, не пытался поцеловать или чего хуже, а к остальному привыкнет.

Она невесело усмехнулась. Шутка ли – мужнина жена, а мужа знать не будет. Такого и в сказках не услышишь. Прямо–таки диво дивное. Зато был Мирча, а ещё – Золоток, подарок его. Чарген много времени суежилась возле лошадей, то кормила, то поила, то причёсывала, перебирая густую гриву, то заплетала косицы. Уже и цыганки смеялись и косились, а ей было всё равно.

И Золотка она полюбила, медного, статного – ну само золото! Конь сиял по–солнечному и иногда показывал белые зубы. Чарген кормила его с руки, угощая сахаром и яблоками, а после насыпала побольше овса.

– Может, ты ещё с Мирчей будешь ходить, а? – пошутил Луйко, проходивший мимо. – Он тоже, знаешь ли, коней любит больше жизни.

– Стану, если муж велит, – хмуро отозвалась Чарген. – Наше дело – помогать мужчинам.

Цыганки взглянули на неё с одобрением, а Луйко, фыркнув, ушёл прочь. Да, Чарген знала своё место и ни на миг не забывала, кто она, а кто – Мирча. И главное – не подавать виду, что его доля её волновала. Она не дрожала, не пугалась, а держалась спокойно, хотя сердце пропускало один удар за другим, стоило хоть кому–то назвать его имя. И чего он ей

полюбился? Да, красивый, статный, высокий, худоватый, с длиннющими пальцами и хитринкой в очах.

Чарген прикусила губу и принялась с новой силой причёсывать Золотка. Пусть думают, что она помешана на лошадах, пусть болтают, будто у невесты барона та же болезнь, что и у Мирчи, лишь бы только не догадались, не додумались, с чего вдруг Чарген так полюбилась кони.

Отходить от Золотка всё равно приходилось. Обычно Чарген шла вместе с остальными девками в деревню, голосила, жалуясь на мужа—пьяницу, на голодных детей, а после гадала, заговаривала печку и складывала в фартук всё, что давали добрые люди. Самые рукастые цыганки между делом умудрялись натаскать морковки из огородов, а после хвастались щедрым наваром. Но в этот злосчастный день её никто не заставлял идти с остальными, выпрашивать на хлеб и врать о будущем. Негоже было невесте.

Чуть начало вечереть, как девки загнали её в шатёр, куда натаскали всяких украшений побогаче, и велели не высовывать носа, мол, не положено, нельзя, чтобы жених видел её. Чарген невесело усмехнулась, но спорить не стала.

– Ай моя изумрудная, ай моя брульянтовая, – вертелись вокруг неё. – Как нарядим, как расчешем, будешь сиять ярче золота, ай, дэвлалэ, тащите серьги, чертовки клятые, и смотрите, не желайте каменьев—то. Не каждый день ясный баро женится! Ну—ну, покажись, невестушка, давай—ка распускай косы свои, ай какие ониксовые, как буйная речка...

Весь вечер Чарген одевали, раздевали, потом снова одевали, причёсывали, вплетали в волосы полевые травы, монеты, каменья, совали ей тяжёлые серьги под нос, и все – разных цветов, медные серебряные, золотистые, с жемчугом и без.

– Да куда, сучьё, жемчуг–то?! – закричала старая цыганка. – Его к разлуке дарят, дуры, ой, дэвлэса, что делается! Неужели вы нашему баро свадьбу сорвать хотите?!

Чарген тяжело вздохнула и отложила злосчастные серьги подальше вместе с белёсым монистом. Цыганки тут же запричитали, мол, помилуй, мать, ничего дурного не хотели – что подвернулось под руку, то и подарили. Саму невесту, разумеется, никто не спрашивал, да и ей было всё равно, во что и как наряжаться, лишь бы таборные остались довольны и меньше болтали.

Иной раз она норовила выглянуть из шатра, но толпа цыганок мигом останавливала её, повторяя, что не велено, иначе беды не миновать. Они же, к слову, и сунули ей в руки серебристую монету.

– Да смотри, не потеряй, красавица, – повторяли постоянно. – Иначе от нечисти не откупишься. Знаешь ведь, яхонтовая, да? Обронить надуть, чтоб жилось веселее, а детишек – детишек! – было побольше.

– Смотри, что мелешь, дурёха! – вскричала другая цыганка. – Пусть девок Бог даёт, а то не будет Мирче покоя.

– А я тебе давно говорила, что этот конокрад клятый доиграется, – фыркнула та в ответ, вынув трубку. – У отца сва-

дьба, а он шляется абы где, вот ведь Каин, ну!

Услышав знакомое имя, Чарген замерла и побледнела. Мирча... Она сжала зубы до боли, чтобы не расплакаться. Нет–нет–нет, не будет Зурал ей хозяином, а если надумает чего, то она вырвется, исцарапает ему все руки, вылетит из шатра и с буйным ветром понесётся к перелеску, а оттуда – в речную воду, и поминай как звали.

– Пляшут кони к рааадости, – завыл кто–то снаружи. – Скоро свадьба слаадится...

Песня разлилась волной. Незанятые девки подхватили слова – и началось. Сама Чарген уже была наряжена и причёсана, но из шатра её по–прежнему не выпускали – цыганки с нетерпением ждали появления Зурала. По старому обычаю барон должен явиться к невестиному дому и сторговать её, выплатив родителям щедрый откуп. Что правда, родителей у Чарген не было, поэтому их роль охотно взяли на себя таборные цыганки. Они долго возились с девкой, называли её самой дорогой на свете, и улыбались, предвкушая большой навар. Не станет же их барон скупиться!

– Молодой идёт, молодой идёт! – заголосили впереди, и Чарген тут же затолкали вглубь шатра. Цыганки выстроились перед ней в несколько рядов, пряча невесту за пёстрыми одеждами. Казалось, собрались все – от девочек до старых баб, которые, несмотря на морщины, горделиво выпячивали грудь и усмехались.

Чарген едва слышно хлопала носом. Совсем скоро одна

неволя сменится другой. Девки шушукались, а после завыли во все горла:

– Отдавай выкуп! Выкуп! Мешок монет, великий баро, а ли невеста не люба, а? Ну давай: мешок за красу, мешок за молодость, брульянтовый наш. Сам золотую выбрал. А волосы видел какие, а? Густые, пышные, как чёрная речка. За такие волосы ещё мешок положено. И серьги! Как это – нет?! Кто ж так делает, баро?! Давай ещё плати, не скупись, как барышник базарный!

Чарген не вслушивалась в голоса. Она думала, есть ли Мирча среди парней, окружавших Зурала? Думает ли он о невесте? А может, цыган давно был влюблён в другую и у них уже сговор заготовлен... Нет–нет, Чарген тряхнула головой, отгоняя дурные мысли. Бубенцы предательски зазвенели.

«Как корова на ярмарке, ей–богу», – зло подумала она. Торги продолжались. Цыганки ни в какую не хотели уступить, в то время как Зурал хитро улыбался и повторял, что у него в карманах больше нет ни гроша. В итоге таборные девки выпросили у него ещё один мешок серебряников, и только после уступили, вытолкав Чарген из шатра.

Она выдавила из себя улыбку. Вышло плохо, но никто не обратил внимания – её тут же подхватили и повели на пару с Зуралом к старой Раде. Они должны были провести обряд под присмотром шувани, а потом удалиться в богатый шатёр, куда уже наверняка накидали пёстрых подушек да ковров. Чарген шла, будто на казнь, выискивая глазами Мирчу. Но

того не было, словно и впрямь провалился сквозь землю.

– Ну, призываю Дэвла и всех вас, ромалэ, в свидетели, – громко заговорила Рада. – Нынче Зурал и Чарген обменяются кровью и будут единой плотью друг другу, пока смерть не разлучит их. Да будет так!

Договорив, она достала из рукава кинжал с рукояткой в форме волчьей головы, обнажила лезвие, помеченное незнакомыми знаками, и резанула. Сначала – морщинистую жёлтую кожу Зурала, затем прошлась острием по руке Чарген и скрепила их запястья.

В этот миг она впервые решилась взглянуть на теперь уже мужа и отметила про себя, что он отдалённо похож на Мирчу. Статный, с проседью в волосах, не такой уж старый и вполне себе гожий, но... Нелюбимый, и потому отвратный. Чарген слабо улыбнулась и пожала плечами, мол, вот я, жена твоя, такая, какая есть.

Правда, ненастоящая и никогда ей не будет. Уж в этом-то Чарген забожилась навек. Рада усмехнулась и проводила «молодых» в богатый шатёр, затем самолично прикрыла полог и устроилась у края.

– Вина мне, слышите?! – рявкнула шувани. – И не смейте водой разбавлять! Сегодня мой брат женится!

Ей тут же подали медный кубок с хмельным напитком, и Рада охотно осушила его. Цыгане загалдели по новой. Чарген слышала их пированье. Все стукались кружками, ели, пели, пили, отплясывали, не жалея босых ног. А ещё ждали.

Их ждали, между прочим.

– Не бойсь, чайори, – сказал Зурал. – Не обижу, пей.

Он протянул ей кубок вина. Неужто такой же, какой подали Раде? Чарген усмехнулась и начала пить. Пьянящий напиток обжигал горло, но она не останавливалась – продолжала, пока кубок не опустел.

– Пляшут кони к рааадости, – Чарген покачала головой и рухнула на постель. Пусть делает, что хочет, а она ему не дастся. С этой мыслью и заснула, позабыв про всё. Лишь нечеловечески красивые глаза Мирчи горели во мраке так, будто молодой цыган находился прямо перед ней.

3.

Гулять на отцовской свадьбе Мирче совершенно не хотелось. Всё то казалось огромной издёвкой над ним. Другого объяснения происходящему он не нашёл. Старый, почти седой отец брал в жёны невесть кого, как будто таборных девок под носом было мало. Возьми, посватайся к любой – и пойдёт, не посмеет отказать. Но нет, вздумал на закате лет взять невесть что. А вдруг у неё вообще вся семья порченая, опозоренная давным–давно? Вот и бери кота в мешке! Хорошие цыгане невольниками не становятся, они берегут себя.

Как ни старался Мирча скрыть досаду и горечь, а всё же лезло оно наружу, разъедая рёбра. Так, что аж свалился на землю и до жути захотел поднять голову, посмотреть на полную луну и завывать, как не выл ни один волк. И чем он, Мирча, ему не угодил?! Ладный конокрад, ловкий, с детства с ко-

фарями на базарах и ярмарках, самолично старых кляч помогал сбегривать за серебряники, деньгами делился, отца не обижал, да и тётку тоже, хоть она сама себе хозяйка. Шува-ни, чтоб её! Уважаемая!

Наверняка Рада нашептала брату чего–то дурного, иначе бы не вздумал он жениться и не кувыркался бы сейчас с безродной девкой, надеясь, что та родит ему ещё одного сына. Тьфу! Да пошло оно всё!

Мирча схватил своего вороного и понёсся к речке, которая волновалась и перешёптывалась с луной и звёздами. Золотистый лес гудел. Вдали ухали совы. Сверчки напевали среди травинок о чём–то своём. Мирча рухнул в холодную воду и умыл лицо. Илистое дно стелилось под ноги мягче ковра. Вороной охотно купался рядом и посмеивался, мол, вот до чего докатились, а ещё – цыгане...

На душе скребли самые поганые кошки. Его тошнило от всего – от таборных, от отца и теперешней мачехи, которая вечно вилась рядом и не давала ему покоя, как будто пыталась подлизаться и стелила соломку. Баба, что с неё взять–то? Мирча плавал в воде и надеялся, что русалки уташат его на дно. Тогда не придётся возвращаться в табор и смотреть, как люди смеются с него, а отец и вовсе не смотрит. Куда ему – теперь ведь молодая жена под боком!

Отец давно угрожал его выпороть при всём таборе, если тот продолжит постоянно красть коней. Ладно бы выбирался раза три в месяц, но нет – пропала вечно невесть где, невесть

с кем, а потом приходил с карманами, полными денег, или целым табуном породистых лошадок. Зурал хмурился, темнел пуще прежнего и скрипел зубами, требуя с Мирчи прекратить.

– Да как же можно, дадо?! – возмутился тот. – Гаджо совсем не умеют с конями обращаться! Держат их в стойлах, цепляют вот это, – он бросил к ногам Зурала изрезанные поводья. – Насмехаются, издеваются над скотиной как могут!

– Выпорю, – фыркнул барон, выпуская кольцо дыма изо рта.

И никакие деньги его не утешали.

Мирча прикусил губу и тяжело вздохнул. Будь что будет. Пусть хоть тридцать три несчастья на голову рухнут. Он не станет терпеть завтрашних насмешек, а первого, кто посмеет открыть рот, изрежет до неузнаваемости. И никто – никто! – не скажет ему слова поперёк, даже отец.

4.

Луна серебрила темные кроны. Мягкий свет пробивался сквозь ветви и играл на тропинках, к счастью для Зурала. Не мальчишка ведь уже, чтобы по оврагам скакать и ловко уворачиваться от колючих веток. Да ему и не требовалось – кто увидит–то? После того, как вынесли окровавленную простыню, цыгане начали пировать по новой и к рассвету уже все спали. Спасибо Раде, выручила. Девчушку–то Зурал так и не тронул, а простыня нашлась сама – лежала под подушками в свёртке.

Но то было лишь начало. Как только стих шум, старый барон поднялся на ноги и смело зашагал к перелеску, где его уже поджидала Рада. Цыганка раскуривала трубку и искоса смотрела на брата, словно спрашивая: что, не передумаешь, морэ?

Зурал был рад этой свадьбе не меньше, чем его невеста. Чарген, конечно, улыбалась, делала всё как надо, обещала чтить и уважать мужа, делить с ним горе и радость, но он прекрасно видел, как в уголках её глаз блестели слёзы, а улыбка на губах выходила совсем сдавленной, никудышной. Барон не сомневался: через год–другой Чарген сбежит от него с молодым цыганом и будет скитаться по свету. Ну и пусть! Он не держал её – лишь бы защищала Мирчу, платила за его раны собственной кровью и не позволила умереть раньше старости.

– Принёс? – насмешливо спросила Рада. Зурал в ответ выудил из кармана мешочек с волосами Мирчи и Чарген. Достать их несложно, тем более, что жена спала, словно мёртвая. Не зря ведь он подсыпал ей снадобье в вино. Раньше полудня не встанет, да и не вспомнит ничего.

– Надо было на растущую луну резать, а не сейчас, – цыганка покачала головой. – Но ничего, и с этим поработаем.

Рада села на землю и принялась сплетать локоны в узлы, приговаривая заклятье на старом наречии, так, как учила предыдущая шувани. Её чары были сильнее любовной волшебы и любых зелий. Одно дело – сделать узел так, чтобы пара

полюбила друг друга и совсем другое – связать их, чтобы без любви, без чувств и прочих мучений, но по-хитрому. Чтобы дышать друг без друга не смогли в самом прямом смысле. Хотя нет, не совсем. Мирча без Чарген проживёт, а вот она... Она станет подневольной, и не телом, а душой.

Закончив читать заклятье, Рада довязала узлы до конца, затем сложила локоны обратно в мешочек и ушла прочь, потерявшись среди кустарников. Наверное, пошла закапывать. Чтобы чары держались, надо было запрятать волшбу подальше и никому не говорить. Чаще всего сестра вырывала в земле небольшие ямки, помечала место колдовским знаком и уходила, не оглядываясь и не разговаривая ни с кем по три часа. То же самое требовалось от Зурала теперь.

Как только Рада вернулась и кивнула брату, он пошёл обратно в табор. Казалось, луна засияла ещё ярче, хотя куда ей – совсем скоро начнёт светать. Шувани удалилась к себе в шатёр, а Зурал пошёл к жене, которая крепко спала и не ведала ничего. Барон знал, что цыганка проснётся другой, прочувствует, что-то, но понять не сможет. И не надо. Улыбнувшись, Зурал заснул. Теперь его сыну – и всему табору – ничего не угрожало. Никакая хворь не заберёт Мирчу к себе. За это определённо стоило заплатить жизнью одной невольницы.

I

I

I

. Гарь и горечь

1.

– Ай доля тяжкаяааа, ай доля горькаяаааааа, – зазвенело совсем рядом. – Пропадаем, чавалэ¹³, ой пропадааааааем!

Чарген протёрла глаза. Солнце стояло высоко, таборные цыганки бегали, суетсяь вокруг кастрюль и двух самоваров. Многочисленные дети вертелись рядом с матерями и путались в пёстрых юбках. Мужчины разбрелись кто куда: одни отправились на рынок, другие в соседнюю деревню, где совсем недавно остановился какой–то барин с добрыми лошадками.

Её собственный муж, барон Зурал, раскуривал трубку, сидя возле шатра. Если раньше он вечно хмурился, то теперь казался совершенно спокойным, аж морщины на лбу разгладились. Сама Чарген чувствовала жуткую тяжесть, как будто в душу запихнули огромный камень, смольный и неподъёмный.

– Проснулась, красавица наша, – сверкнула жёлтыми зу-

---

¹³ Ребята (с цыганск.)

бами цыганка. – Ай славная невеста у тебя, баро!

– Тэ явэньти бахтало, ромалэ, – выдавила из себя Чарген.

Она не стала себя обманывать. Будь её воля, лежала бы в постели дальше – уж слишком ноги подкашивались, но желание увидеть Мирчу пересиливало усталость. Чарген низко поклонилась мужу и побежала помогать остальным цыганкам. Всё равно рассвет проспала, в деревню идти было бесполезно – уставшие и голодные люди вряд ли чего-то дадут. Другое дело – рассвет, когда гаджо только просыпались, высовывались из окон и грустно вздыхали.

Голодать им не приходилось – всякий цыган считал честью угостить барона. Часть добытого всегда доставалась Зуралу, а он, в свою очередь, передавал продукты девкам и велел готовить. Вот и теперь Чарген суежилась, помогая отваривать пшеничную кашу. Да и со свадебного пира многое осталось – вся еда лежала на коврах. Что-то, правда, уже растащили.

Свадьба... Чарген бросила взгляд на простыню с червонным пятном в серединке и грустно улыбнулась. Шувани не обманула её – старая Рада сдержала своё обещание: девочка сохранила невинность, а таборные остались довольными. Мужнина жена, тьфу. Чарген одёрнула себя и вовремя повязала платок, пряча волосы. Неужели так и проживёт – в суе-те, в куче дел да без ласки?

Она прикусила губу и осмотрелась. Мирчи рядом не было. Наверное, пропадал в деревне. Сердце нашёптывало дурное,

но Чарген не слушала. Если возьмёт и побежит на поиски, то по табору поползут слухи, и на другой день можно будет собирать котомку и ехать, куда глядят глаза.

Ждать долго не пришлось. Мирча объявился с двумя кобылицами, довольный, потный, уставший. Чарген, закончив готовить ужин, решила проведать Золотка. Рыжий конь стоял неподалёку от шатра. Все знали, что то был подарок. Некоторые цыгане даже присвистывали от зависти, говоря, что за такого красавца можно было получить целый мешок серебра. Чарген улыбалась, чувствуя радость и гордость. Ну стал бы Мирча дарить ей жеребца, если бы ничего, совсем ничегошеньки, не ощущал?

– Хорошо кормишь? – он прищурился и взглянул на коня.

– Да, морэ, – ответила Чарген.

Мирча усмехнулся и хотел было пойти дальше, но она ухватила его за край рубахи и, покраснев, тут же опустила глаза. Цыган удивлённо уставился на Чарген. Что ж, или пан, или пропал.

– Возьми меня с собой в следующий раз, – пролепетала она едва слышно. – Не хочу в таборе сидеть.

Мирча выпучил глаза от удивления, но вовремя взял себя в руки.

– Не выдумывай, девка, – хмуро отмахнулся он. – Не хочешь сидеть в таборе – ступай в деревню да погадай кому.

Чарген проводила его взглядом, полным тоски. Кажется, ещё миг – и она вцепилась бы в него с гортанным криком,

а потом упала в ноги и заплакала. Ради Мирчи ведь встала с постели, ради него, клятого, не покончила с собой раньше срока и пережила свадьбу. Но он, конечно же, ничего не подозревал. Какое дело сыну барона до бывшей невольницы, а теперь уже мачехи?

Остаток вечера прошёл как в тумане. Чарген бегала с самоваром наперевес, следила за костром, подбрасывала веток. Когда же цыганки начали отплясывать и голосить, распевая что-то весёлое, она ушла в шатёр и пролежала в постели до тех пор, пока не заснула. Муж её тревожить не стал. Видимо, Зурал о чём-то догадывался, но ничего не говорил вслух, да и Чарген не давала повода для сплетен – всё время ведь находилась при муже и при людях.

2.

Тонкое тело невольницы вилося перед ним змейкой. Мирча тряхнул головой, прогоняя наваждение. Что-то странное случилось с его сердцем после отцовской свадьбы, как будто оно, окаянное, перестало слушаться своего хозяина. Иного объяснения у Мирчи не было. Перед глазами вечно мельтешила маленькая Чарген, которую хотелось притянуть к себе и поцеловать.

Да разве ж она была красивой или богатой? Мирча топнул ногой от досады. Нашёл на кого засматриваться – бывшая невольница, отцовская жена! Не пара ему эта девка, совсем не пара. Но разве ж сердцу прикажешь?

Как его угораздило, Мирча и сам не понимал. Он видел

Чарген всего пару раз – и никогда не находил её красивой. Да, ему приходилось знать цыганок получше, пофигуристее. Чарген с ними и рядом не стояла. И всё же, и всё же...

Мирча горько усмехнулся. Отец ему такого не простит. Если взять девку и сбежать с ней из табора, а через несколько лет вернуться с выводком детей на руках, как делали многие, то... То Зурал не примет его. Подобное можно было простить простому цыгану, но только не сыну баро. На него возлагали хоть какие-то надежды. Мирча, несмотря на свой буйный нрав, был славным конокрадом и мог увести любую кобылицу из-под носа гаджо.

В табор он вернулся поздно, когда уже вечерело. Поначалу он слонялся по перелеску, думая, что делать: кидаться в холодную воду, нестись со всех ног в табор и забирать Чарген или... Нет, он ведь не девка, переживёт! Мирча потрянул головой, улыбнулся и зашагал напрямик в деревню. Он уже давно заметил там двух годных кобылиц, которых можно было отвести на городскую ярмарку и выменять, получив немало серебряшук и медяков.

Так и поступил. Поневоле Мирча сразу начал искать Чарген. Та вертелась среди цыганок, выделяясь так, как выделяется соколий птенец среди ворон. Ну разве место ей, такой живой и сияющей, в таборе?! Хоть сейчас бери и волокни в город, чтоб зажила по-человечески, а не губила молодость среди дорожной пыли и грязи. Наконец, Чарген отошла к Золотку. К удивлению Мирчи, про коня девка не за-

бывала – вовремя кормила, меняла вёдра с водой, убирала и ещё умудрялась расчёсывать густую медную гриву.

– Хорошо кормишь? – он прищурился и сверху вниз взглянул на Чарген. Та зарделась – мигом покраснела и опустила голову, выжав из себя тихое:

– Да, морэ.

Мирче приходилось знать женщин. Потому, наверное, он сразу понял: если девка смущается, значит, цыган ей нравится. Эта мысль заставила его усмехнуться. Что ж, придётся всё же подумать о побеге. Мирча развернулся и хотел было пойти дальше, но Чарген вцепилась в край рубахи, набравшись решительности на какой-то миг. Он с удивлением посмотрел на девуку. Что, прям здесь, при всём таборе, признается и свалится в ноги? Только этого не хватало!

– Возьми меня с собой в следующий раз, – прошептала Чарген. – Не хочу в таборе сидеть.

Ну чайори, ну удумала! Дэвлалэ, да что ж это делается?! Чтобы девки таскались по лошадиным рядам и торговали на пару с цыганами?! Да он скорее ноги себе откусит, чем позволит девице волочиться следом и позорить его, вызывая смех среди цыган и прочего люда. У Мирчи аж глаза полезли на лоб, но он вовремя спохватился. Не хватало ещё, чтобы про них с Чарген сплетни начали гулять. Таборным ведь только повод дай – и всё, будут чесать языками и перемывать косточки целый семиднев.

– Не выдумывай, девка, – процедил Мирча сквозь зубы. –

Не хочешь сидеть в таборе – ступай в деревню да погадай кому.

О, если бы они были наедине! Тогда бы цыган запел по-другому, но не мог же Мирча при всех сказать правду, мол, запала ты мне в душу, отцовская жена, давай сбежим как-нибудь и будем жить–поживать, несмотря на то, что я у отца единственный сын и табор без меня пропасть может.

За спиной послышались всхлипы. Мирча сжал руки в кулаки как можно сильнее и пошёл дальше. Пусть ревет, ему до бабья дела нет и не должно быть. От досады он пнул валявшийся на дороге камень и побрёл к лошадям. Вот уж единственная отрада. Ржание коней, запахи овса, пота и пыли успокаивали буйную голову. Наверное, благодаря лошадям Мирча и держал себя в руках. Он погладил своего любимого вороного по голове, затем запрыгнул и вскричал:

– Но!

Конь слушался его безо всяких поводьев. Вороной понёс Мирчу прямиком сквозь перелесок, перепрыгивая поваленные деревья и колючие кустарники. Ветер бил со всех сторон, и от этого становилось так легко и радостно, что цыган поневоле захохотал. Да, пусть хлещет ещё сильнее, волна за волной, пусть его тело чувствует волю–вольную!

– Ну нехристь! – удивлялись цыганки. – Как будто нечисть скачет! А глазюки, глазюки как сверкают! Что у него, что у коня евонного!

И пусть болтают, пусть завидуют. Мирча усмехался и нёс-

ся, чувствуя запахи речной воды, мха, прелой листвы и древесной коры. Словно он сам был лесом и дышал вместе с ним, наполняясь свежим воздухом и крича на весь свет: «Я живой! Живоооой!»

Кровь стучала в висках как никогда раньше, а сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из рёбер и понесётся к Чарген. Да что за проклятье?! Он не видел в этой девке ничего хорошего – и всё же его тянуло к ней какой-то нечеловеческой силой.

«Нечеловеческой...»

Мирча остановил коня, прищурился, гляну в сторону табора. Шатры стояли у перелеска, как поганки, одни совсем новые, другие латаные–перелатанные. Самым дорогим был, конечно, тёткин. Он стоял чуть поодаль и выделялся обилием разных оберегов. Не зря ведь Раду уважали в таборе. Никто не говорил про неё лихих слов, хотя тётка делала многое, и не всегда хорошее. Наверное, в этом и была привилегия шувани. Таборная ведьма могла загулять с гаджо, могла пропасть на пару дней и появиться, не отчитываясь ни перед кем.

Тётка Рада, по рассказам других, была жутко непослушной и словно смеялась над всеми цыганскими обычаями, но никто не мог ничего с ней сделать – уж слишком талантливая ведьма уродилась. Мирча оставил коня неподалёку, а сам, переступая едва слышно, вошёл в шатёр.

У Рады он бывал с детства. Мать померла, а другой не нашлось. Тётка часто возилась с ним, а когда не хватало време-

ни, Мирча бегал среди остальных детей и прибивался к той или иной юбке. Цыганки не гнали его – всё–таки сын баро.

– Тэ явэс бахтало, – поздоровался он.

Рада махнула рукой, мол, садись. Цыганка раскладывала карты Таро и всматривалась в причудливые картинки. Мирча, хоть и вырос при ней, ничего не смыслил в подобных делах. Его удел – кони, а не ворожба. Впрочем, развешенные по шатру черепа коней и подковы разных цветов вместе с вороньими, ястребиными и совиными перьями отпугивали и поневоле внушали уважение.

– Как дела твои, Мирча? – Рада поправила платок и взглянула на него с прищуром.

Зря поговаривали, что у цыганок с возрастом глаза тускнеют. Тётка смотрела так же ясно, как и прежде, сейчас скорее хищно. Мирча провёл пальцами по ковру и призадумался. Сердце билось бешено и кричало, чтобы он не смел рассказывать ничего. Но почему?

Он призадумался, ещё раз осмотрел шатёр. И тут Мирчу озарило: если кто и мог что–то наворожить, так это не какая–то там цыганка, а тётка, его родная тётка! Но зачем Раде связывать его с невольницей? Вряд ли она хотела занять место жожака, нет. Мирча выдохнул и прикрыл глаза.

Сколько раз буйная кровь творила с цыганами нечто невероятное? Да много. Казалось, будто каждый семиднев какой–нибудь цыган сбегал с другой, находил свою любовь и кричал о ней. Кто–то и вовсе пил, считая, что потерял всё,

кто-то пел и голосил, кто-то постоянно плакал. Может, там и не было никакой ворожбы? Просто Чарген оказалась единственной девицей, которая околачивалась возле него и стреляла глазищами, метая искры.

– Всё хорошо, – выдавил Мирча. – Мне пора. Гроза скоро.

– Дэвлалэ–дэвлалэ, – Рада тяжело вздохнула, но не стала его останавливать.

Снова вскочил на вороного и помчался к перелеску, несмотря на собирающиеся тучи. Осенний ливень превращал все дороги в огромное болото, из-за чего конь постепенно перешёл из бега на замедленную ходьбу. Копыта вязли в грязи, но Мирчи до того не было дела. Как только добрались до буйной реки, он спрыгнул на землю, пошатнулся и вошёл в воду, ещё летнюю, тёплую и одновременно прохладную.

Сердце с болью пропускало удар за ударом и не хотело успокаиваться. Сколько ни ругался Мирча на себя, бесполезно. Девка не выходила из головы, и как её оттуда вытравить – тоже непонятно. Что-то мешало ему рассказать обо всём Раде. Вдруг нашепчет отцу, а тот схватится за кнут? Нет уж, такой радости ему не надо было. Справится сам.

3.

На следующий день табор продолжал путь к Приморью. Мирча со своей телегой ехал впереди всех, лихо подгоняя коней. Зурал затерялся среди цыган вместе с женой. Чарген умело справлялась с лошадьми и не выпускала поводьев из рук. Те слушались её.

Видно, что вчерашняя невольница из всех сил пыталась угодить мужу, хотя они даже не разговаривали толком – так, перекидывались фразами время от времени. Рядом с ним Чарген мялась, чувствуя себя не в своей тарелке. И правильно: места Кхацы ей не занять. Кхаца была орлицей, боевой цыганкой, способной носиться на самых бешеных лошадях. Однажды она отхлестала кнутом барина и умудрилась выудить у него из кармана серебряное кольцо с бриллиантом. Эту басню до сих пор пересказывали таборные, украшая своими деталями.

Чарген же – неоперившийся птенец, запуганная невольница, которая боялась Зурала и отчего-то жутко любила лошадей. Старый барон не вмешивался в жизнь девочки, позволяя ей выполнять свои обязанности. Жаль, Мирча не был таким же послушным. Видимо, пошёл в Кхацу нравом. Даже на свадьбу не явился, зато подарил Золотка, как будто в насмешку.

Зуралу не нравилось поведение сына, но он слишком хорошо знал Мирчу. Стоило с ним заговорить, как тот весь взвинчивался, словно степной вихрь, а после уходил. Не бегать же ним, взрослым лбом, с кнутом! Нет уж, поздно лупить, нрав не изменишь, а буйную кровь не разбавишь. Будь Мирча поспокойнее, может, и жениться бы не пришлось. Зурал взглянул на Чарген. С виду девка была в порядке, разве что всю дорогу сидела в напряжении и сжимала зубы. Боялась.

Солнце катилось всё выше и выше. Оно уже не жарило так, как летом – только приятно согревало. Зурал с тоской подумал о том, что целых три месяца им придётся сидеть в Приморье, где вечно воняло рыбой и помоями. Он не любил каменные городские стены, узкие улочки и богатых господ, которые считали себя выше всех на свете и света толком не видели. Хорошо было певучим девкам – те приносили много монет, благодаря чему табор не пропадал и цыгане веселились. Но что будет делать Мирча?

Зурал раскурил трубку и призадумался. Конокрадам нельзя находиться долго на одном месте. Примелькается, да и в Приморье их табор хорошо знали – не первый год ведь ехали туда зимовать. Обычно сын уезжал в другие города, где и занимался любимым делом, сбывая негодных кляч и доставая новых, породистых и до жути красивых. Поэтому Зурал и не ругался. Наверное, и теперь продолжит. Хорошо хоть додумался в самом Приморье не торговать толком, иначе беды не миновать. От тюремной решётки никакая ворожба не защитит.

Интересно, умела ли его собственная жена петь? Зурал взглянул на неё и невесело подумал, что научится всему, если заставить, но разве ж то дело? Нет, пусть лучше занимается хозяйством и обычным промыслом. Конечно, коль захочет походить по кабакам, он удерживать не станет – приставит к ней какого–нибудь цыгана и отправит вместе с ним. Хотя драть горло ради господ... Нет, всё же обмельчали цы-

гане. Но что делать, особенно если платят хорошо?

Неправильно было и то, что Мирча жил отдельно, ездил с собственной телегой и не особо интересовался делами табора. Стыдно признавать, но тот же Луйко всё время вертелся возле Зурала, помогал, дарил подарки Раде и всегда спрашивал совета у барона. Сестре он почему-то не нравился: дары принимала, но хмурилась и поджимала губы, а потом качала головой, мол, не доведёт это всё до добра.

Мирча же ходил предоставленный сам себе. Появится, сверкнет глазищами, ухмыльнётся – и снова исчезнет. Ищи-свищи. Зурал тяжело вздохнул. Сбывалось очередное пророчество Рады. Не было у него других детей, как ни старался барон. Конечно, по табору ходили слухи, будто он их хорошо скрывал от посторонних глаз, ведь не может у цыгана быть всего один ребёнок. Бывало и так, что молодые матери приходили к нему с младенцами на руках и показывали, мол, вот, твой выводок, на что Зурал печально усмеялся и подзывал Раду. Шувани быстро раскрывала обман и отправляла неразумных девок подальше.

– Ой ночка тёооомнаяааа, – запели впереди. – Ай ночка бурнааяааааа.

Песню о лихом конокраде охотно подхватили остальные и особенно – Мирча. Не всякий цыган рождался с талантом уводить коней: некоторым нравилось петь, отплясывать, рвать струны в кабаках или ворожить – раскладывать карты, заговаривать печь, домашнюю нечисть и не только. Зу-

рал знавал таборы, где у большинства было принято лепить горшки из глины или шить цветастые платья из дорогих тканей. В его собственном цыгане занимались разным: Мирча с друзьями возился с лошадьми, девки бегали по деревням, пели, гадали, а остальные или воровали кошельки, или попрошайничали.

Зурал в молодости любил мастерить ножи и продавать их втридорога. На вырученные деньги он покупал старых кляч, которых тут же сбывал за хорошую цену. Доходило до того, что Зурал сторговывал породистых коней и возвращался в табор с поживой. Иногда ему помогали, иногда он работал один. Его отец был доволен сыном. Но и там была своя ложка дёгтя.

Его хотели женить на троюродной сестре. Как–никак, старший сын, будущий баро! Зурал же давно засматривался на Кхацу, которая в те времена отваживала почти всех женихов и слыла «змеёй языкастой». Что делать – пришлось сговориться с ней ночью и сбежать из табора. К удивлению Зурала, Кхаца быстро согласилась, собрала котомку, и на рассвете их уже не было.

Говорили, отец рвал на себе волосы и чуть не убил жену. Зурал и Кхаца вернулись через пару лет с породистыми лошадьми и щедрыми подарками. Пришлось простить – не отрекаться же от родни при всём таборе. Так и сладилось, а потом родился Мирча, и на голову рухнуло пророчество Рады вместе с гибелью жены. Зурал мельком взглянул на Чарген.

Сильная девочка, бойкая. Должна выдержать. Первый день в пути за собственной телегой – и никакой ошибки: лошади слушались, внизу тихонько поскрипывали колёса. Для бывшей невольницы Чарген справлялась лучше, чем следовало бы ожидать.

Они отъехали от леса и миновали бескрайнюю степь. Среди редких кустарников притаилась маленькая рыбацкая деревенька. Там и решили остановиться, чтобы напоить лошадей, переночевать, может, задержаться на день–другой, а потом снова отправиться в дорогу. Зуралу нравились тихие места, где изо дня в день ничего не происходило. Там приятно было отдыхать и встречать старость. Впрочем, табор вряд ли поддержал бы его – в деревеньках добычей не разживешься. Да, если всё время переводить дух, то и впрямь можно погибнуть.

– Переночуем, а завтра видно будет, – решил Зурал. – Может, останемся до следующего вечера, может, поедем дальше.

Мальчишки вместе с молодыми цыганками тут же кинулись к реке. Кони понеслись в воду следом. Цыгане заголосили на все лады: кто–то пел, кто–то отплясывал, кто–то сразу отправился гадать и зарабатывать на хлеб. Чарген пошла в деревню вместе с большинством цыганок. Зурал готов был поклясться, что ей хотелось кинуться в речку и напоить Золотка, но она сдержала этот порыв. Не зря ведь кони у неё шли так ладно. Любили, причём взаимно.

4.

Выпрашивать еду Чарген не умела, а вот гадать по руке научилась быстро. Не нравилось ей дурить честных людей, но что было делать. Ей подвернулась удача в виде заплаканной вдовы. Стоило такой нагадать хорошего молодца, двух детишек и шум–гомон в доме, как она мигом расчувствовалась и подала цыганке картошку с морковкой. Не щедрый навар, конечно, но вполне неплохо для маленькой деревеньки. К счастью, Чарген додумалась захватить с собой котомку, поэтому складывать всё в фартук не пришлось.

Жаль, не разживёшься толком – вся деревня была вдвое меньше табора. Пришлось возвращаться назад. Чарген взглянула на пёстрые шатры и тяжело вздохнула. Засмеют ведь. Жена барона, а принесла всего ничего, даже мяса не раздобыла. Смирившись со своей участью, цыганка зашагала извилистой тропкой. Лучше в обход, чем через весь табор. Она не боялась шиповников, которые вились вдоль дорог, – давно уже привыкла. Это всё же лучше, чем скакать на подмостках и постоянно растягивать губы в улыбке.

Сбоку промелькнул цыган. Чарген взглянула на него и чуть не выронила котомку от удивления. Сердце пропустило удар.

– Мирча! – выдохнула. – Что ты тут делаешь, морэ?

Цыган смерил её презрительным взглядом, схватил за тонкое запястье, но потом будто бы передумал, выпустил руку, развернулся и пошёл к табору. Всё произошло настолько

быстро, что Чарген не успела ничего понять.

Уж не решил ли цыган сыграть с ней злую шутку? Она нахмурилась. Правды Мирча ей всё равно не скажет. Хоть бери и гадай на картах, да где их только взять—то? Чарген тряхнула смольными косами и решила не забивать себе голову дурными мыслями. Если и впрямь приглянулась, он даст знать, а если решил просто посмеяться, то ничего у него не вышло. Цыган Мирча, в конце концов, или нет?

Чарген вернулась в табор весёлая, развязала котомку и вынула оттуда картошку с морковью. Цыганки с более щедрым наваром усмехнулись, но ничего не сказали. Зурал тоже промолчал. Старый барон уже успел где—то разжиться куском сала.

— Сейчас поставлю вариться. Скоро поужинаем, — она улыбнулась мужу и мигом отвела взгляд.

Хороша пара, ничего не скажешь — седой старик да девочка девкой. Поскорей бы Мирча забрал её прочь, пусть хоть бьёт, хоть обижает по—другому — и то будет лучше жизни с нелюбимым.

IV

. Шум волн

1.

Мирча метался в постели, не зная, куда деться. Выцветшее покрывало промокло от пота. Жар сжигал его тело, а перед глазами мелькало лицо цыганки. Усилием воли он подавлял крики. Не хватало ещё орать на весь табор, зовя Чарген. Мирча плохо соображал. Единственное желание заставляло закипать кровь. Он не мог ни уснуть, ни прийти в себя, как будто кто-то другой дёргал его за ниточки, как куклу, и нашёптывал в ухо: «Иди к ней».

Кости болели. Слабость накатывала волнами. Хорошо хоть табор стоял на месте, иначе бы уже поползли слухи. Шальная мысль промелькнула в голове. Что, если отец не зря задумался про второго сына? Что, если Зурал давно знал: подобное однажды случится с Мирчей и погубит его.

А может, это было эдакое испытание? Что ж, Мирча его полностью провалил. Он уже понял, что не отступится от Чарген, не оставит её в покое и их побег был лишь вопросом времени. Сначала Мирча хотел потянуть до весны, пожить с табором в Приморье, но теперь ему казалось, что он не продержится ни дня.

Он сжал зубы и зарылся в покрывало. Стало холодно, как

будто морозы ударили раньше времени. Мирча почти почувствовал, как мягкий и ледяной снег обволакивал тело, как вдруг всё растопило огромное пламя, и цыган мигом откинул покрывало. Жар. Жуткий и беспощадный.

Сказал бы ему кто про Чарген раньше, Мирча рассмеялся бы и назвал рассказчика вруном, каких не видывал свет. И всё же почему, почему она, а не какая-то другая цыганка? Почему её тело – худое, бледнее цыганского – манило его? Чарген ведь бывшая невольница. Не было в ней ничего такого, что заставило бы засмотреться, и от этого становилось ещё горше.

Мирча не мог найти в ней ничего красивого, но его тянуло к этой девке с неистовой силой, так, что аж свалился с ног и не мог спокойно заснуть. Его терзал страх, что ничего не успеется, что Чарген понесёт от Зурала, и тогда придётся ждать около года. Не мог же он лишиться отца двух сыновей сразу? А в том, что девка родит именно сына, Мирча ни капли не сомневался.

Видимо, он был действительно паршивым наследником, и это замечали все, даже Луйко, который усердно набивался в приятели. Мирча надеялся разбогатеть на конокрадстве так, чтобы к старости не пришлось бегать по оврагам и толкаться среди кофарей. Но девка... А, будь она неладна! И зачем отец женился на такой? Не мог найти жену на несколько лет старше?

Мирча взъерошил смольные пряди и невесело усмехнул-

ся. Видимо, вкусы у отца и сына удивительно совпадали. Что он, не цыган, а? Забрать бы девку и умчать в чистое поле. А дальше что? К дяде в Сибирь? Нет, пропадут они там зимой. Знамо дело, торги паршиво пойдут, и придётся все три месяца скрипеть зубами. И будут сыпаться недовольства, а там и до разлада недалече. Тьфу.

Мысли о зиме отрезвили голову. Мирча сел. Задумался, прикусив губу. Что делать, что делать? Продавать остаток лошадей и складывать деньги. А по весне можно будет перебежать, спрятаться в глухой деревеньке, пересидеть какое-то время, а потом поехать, куда глядят глаза. Если повезёт, прибудутся к другому табору или затеряются среди городских цыган. Лишь бы только не понесла.

Навязчивая идея обратиться к тётке так и просилась наружу, но Мирча гнал её как можно дальше. Да, скажет он Раде, что влюбился в отцовскую жену, а та мигом приворожит его к другой цыганке или вовсе сделает так, что любить никогда не сможет. Она ведь не только его тётка, но ещё и сестра Зурала, что, по сути, одно и то же.

– Ну где ты там ходишь, буйная голова? – позвали его снаружи. – Скоро сыматься с места будем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.